1200-7
С 127. (229)

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1744

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1899 г.

стр.

I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть вторая. I – V. (Продолженіе). **Графа Е. А. Саліаса** 5

II. Записки графини **В. Н. Головиной** (1766—1820). IX—X. (Продолженіе) 33

III. Былое. (Изъ семейной хроники). **В. А. Тихонова** 49

IV. Воспоминанія объ А. Г. Рубинштейнъ. **М. А. Давидовой** 76

Иллюстрація. Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.

V. Русское знамя въ Средней Азіи I—IV. **П. М. К.** 96

VI. Три типа русскихъ ученыхъ. (Куникъ, Срезневскій и Григоровичъ). **П. Н. Полевого** 123

VII. «Мерзлый русскій». **А. И. Фаресова** 144

VIII. Отъ Тихвина до Весьегонска. (Путевые наброски). **И. Ф. Тюменева** 158

Иллюстраціи: 1) Устюжна. Ворота соборной ограды.—2) Видъ на Устюжну изъ-за Мологи (Преображеннкая, Срѣтенская и Воздвиженская церкви).—3) Соборъ въ Устюжнѣ. — 4) Устюжна. Церковь Благовѣщенія надъ р. Ворожею.—5) Устюжна. Казанское кладбище.—6) Видъ Весьегонска. — 7) Плотъ и паромъ на Мологѣ въ Весьегонскѣ. — 8) Соборъ въ Весьегонскѣ.

IX. Родина князя Потемкина. **Л. Я. Зайцева** 196

X. Исторія одной замѣчательной книги. **М. Н. С.** 201

XI. Народники и марксисты. (Критическая замѣтка). **Л. Е. Оболенскаго** 221

XII. Русскіе поэты въ нѣмецкомъ переводѣ. **А. К. Бороздина** 244

XIII. Типографское дѣло. **Г. Л. И.** 251

Иллюстрація. Иларіонъ Ѳедоровичъ Богдановъ.

XIV. Памяти В. О. Михневича. **Б. Б. Глинскаго** 260

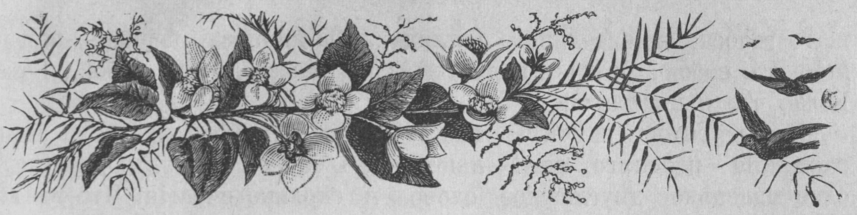
Иллюстрація. Владиміръ Осиповичъ Михневичъ.

XV. Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. II. (Продолженіе). **В. Т.** 281

XVI. Критика и библіографія. 298

1) А. Н. Минхъ. Историко-географическій словарь Саратовской губерніи. Томъ I, выпускъ 1. Саратовъ. 1898. (Приложеніе къ V т. Трудовъ Саратовской ученой архивной комиссіи). **В. Б—ва.**—2) Князь Н. В. Голицынъ. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII вѣка. Москва. 1898. **С.**—3) П. А. Картавовъ. Библіографическія извѣстія о рѣдкихъ книгахъ. №№ 1 и 2. Спб. 1898. **Бориса Городецкаго.**—4) Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію. Томъ II. Изслѣдованіе капитана Мэхэна. Изданіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгія Александровича. Спб. 1898. **П. К.**—5) Лирика Я. П. Полонскаго. Критическій этюдъ Н. М. Соколова. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1899. **С. Л—на.** — 6) Краткій историческій очеркъ Елисаветградскаго общества распространенія грамотности и ремеслъ. 1873—1898 г. П. З. Рябкова. Елисаветградъ. 1899. **А. Фаресова.**—7) Н. М. Коркуновъ. Сборникъ статей 1877—1897 г. Спб. 1898. **Б. Г.**—8) Очерки современнаго офицерскаго быта. Соч. Н. Бутовскаго. Спб. 1899. **И. Н. З.**—9) Библіографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. П. Смирнова. Палеографія. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и пе-

См. слѣд. стр.



СУМЕРКИ.

(Очеркъ изъ нравовъ 70-хъ годовъ).

I.

ПОКОЙНАЯ, зеленоватая гладь моря, ясное небо... пароходы—много пароходовъ, а вокругъ нихъ—движеніе, суета, жизнь; мелькаютъ черные закоптѣлые люди, снуютъ юркіе, съ алчными глазами, подозрительные субъекты... «Петербургъ» поднялъ якорь, снимаетъ трапъ; послѣдній трубный звукъ, и пароходъ медленно отчаливаетъ, а мое сердце замираетъ. Павелъ Николаевичъ, стоя на рубкѣ, машетъ своей фуражкой. Я улыбаюсь ему и смотрю, смотрю безъ конца; внутри у меня что-то обрывается. Уѣхалъ—умеръ, для меня умеръ, умерло все! Не нужно борьбы, не нужно сомнѣній—все кончено!...

Вдали черная, чуть видная точка, къ которой прикованъ мой взглядъ... А вокругъ—море свѣта, яркаго, ослѣпительнаго, шумъ, движеніе, свистки.

Я вздрагиваю: неужели кончено? А между тѣмъ... нѣтъ, нѣтъ, все ушло, все порвано!...

Отчего же душа моя болитъ и стонетъ, отчего все существо мое возмущается и не хочетъ примириться съ неизбѣжнымъ? Откуда этотъ безумный страстный взрывъ всѣхъ жизненныхъ силъ, эта до невозможности жгучая жажда счастія?... Все кончено! Неужели это правда? Какъ? Больше я не увижу его, не услышу мягкаго, ласкаю-

щаго голоса, живительнаго взгляда... Остановись, вернись, возьми меня съ собою, увези въ другой край, подъ другое небо!... Боже, Боже, что я надѣлала!

Милый голосъ звучитъ, какъ музыка въ моей душѣ, и слезы раскаянія—поздняго, увы!—льются изъ моихъ глазъ... Одно слово, одно маленькое двусложное слово—и сколько счастія! Что же мѣшало пойти на встрѣчу призыву любви?...

Я слышу, милый, слышу въ голосѣ твоемъ муки неудовлетворенной мечты, слышу взрывъ отчаянія обманувшагося сердца, упрекъ страсти...

— Вы не женщина, а камень! Вамъ доставляетъ удовольствіе мучить другихъ. Вы давно знали, что я васъ люблю, зачѣмъ же играли мною?...

Бурная, негодующая рѣчь лилась изъ дорогихъ устъ, сверкала въ чудныхъ глазахъ, сверлила мой мозгъ. Какую нечеловѣческую силу употребила я, чтобы не броситься въ объятія любимаго человѣка и поцѣлуями не заглушить справедливый упрекъ.

— Уйдите, если вы не можете говорить, не оскорбляя меня!...

Жестко и сурово прозвучала моя прощальная фраза... Я не оборачивалась, стоя у окна, и онъ ушелъ. Долго раздавались въ моихъ ушахъ тяжелые усталые шаги.

Итакъ, все кончено! Не надо больше борьбы, ничего не надо! Вокругъ меня и внутри все такъ тихо, тихо и мертвенно спокойно... Только зачѣмъ же эти запоздалыя, беззвучныя слезы?...

II.

Какъ маятникъ, брожу я изъ угла въ уголъ своей полумонашеской кельи, и тѣни прошлаго подымаются среди сѣрыхъ сумерекъ одинокаго существованія...

Я вижу мою мать—стройная, изящная, съ задумчивымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, кроткою улыбкой на блѣдномъ лицѣ, легкою тѣнью проходитъ она передо мною, а вслѣдъ за ней подымаются картины невозвратнаго прошлаго... Вижу я нашу небольшую уютную гостиную; не было въ ней ни яркихъ цвѣтовъ, ни блестящихъ бездѣлушекъ: все было просто, немножко меланхолично, но замѣчательно красиво... Весь домъ носилъ отпечатокъ души моей матери, грустной и поэтичной, какъ южная сентябрьская ночь. Отецъ былъ много старше ея; скромный труженикъ, онъ безконечно былъ благодаренъ ей за то, что она внесла тепло и свѣтъ въ его существованіе; онъ чуть не молился на нее.

Наша семья выдѣлялась изъ среды педагоговъ, сослуживцевъ отца: въ рѣдкіе вечера, когда у насъ собирался небольшой кружокъ знакомыхъ, не карты, не сплетни, не пустая болтовня оживляли нашу гостиную; все, что касалось науки, искусства, граждан-

ственности, находило живой откликъ въ душѣ моей матери, и съ тактомъ хорошо воспитанной женщины умѣла она навести разговоръ на интересовавшую ее тему, увлечь, оживить другихъ. И какъ я любила ее въ эти вечера! Любила слѣдить за смѣной выраженія ея лица, блескомъ глазъ, плавной, красивой рѣчью; усядусь въ уголкѣ дивана и слушаю: я не понимала, что говорилось, улавливала только отдѣльныя слова, но мнѣ почему-то бывало удивительно хорошо.

— Лена, ты бы пошла къ нянѣ — тебѣ скучно, — скажетъ, бывало, мать, проводя рукой по моимъ волосамъ.

— Нѣтъ, мамочка, нѣтъ! Позволь остаться здѣсь, — отвѣчу я, цѣлуя мягкую, нѣжную руку.

Любила я также смотрѣть на матѣ, когда она играла: румянецъ появлялся на ея блѣдныхъ, впалыхъ щекахъ, глаза загорались: это приводило меня въ такой восторгъ, что я подбѣгу къ ней, обниму руками ея шею, осыплю поцѣлуями.

Отецъ и мать любили меня безгранично, и не мудрено: изъ трехъ дѣтей въ живыхъ осталась я, самая младшая. Въ гимназію меня не отдали, подругъ у меня не было. Неизмѣннымъ товарищемъ моихъ дѣтскихъ игръ и мечтаній былъ сынъ сосѣда, Саша, живой, подвижной мальчикъ, года на два старше меня. Онъ же первый вводилъ меня въ кругъ понятій тогдашней молодежи, открывалъ, такъ сказать, перспективу иныхъ чаяній.

Съ ранняго дѣтства мать развивала во мнѣ любовь къ искусству—поэзіи, музыкѣ, ко всему доброму, свѣтлому и великому; она же научила смотрѣть на искусство, какъ на силу, движущую человѣчество по пути къ идеалу, совершенствующую человѣка и формы жизни. Моя юность проходила въ особомъ, прекрасномъ, наполненномъ поэтическими образами мірѣ, совсѣмъ не похожемъ на дѣйствительность; мои юныя грезы блистали такими яркими, радужными красками, что пробужденіе, когда бы оно ни настало, должно было быть ужаснымъ!

Съ какою горячностью спорила я, бывало, съ Сашей за право красоты и поэзіи, которыя онъ, юноша, пропитанный радикализмомъ и писаревщиной, пытался отрицать. Съ нимъ я могла спорить: я инстинктивно чувствовала свою власть надъ нимъ, чувствовала, что, несмотря на свою презрительную, угрюмую внѣшность, онъ такъ же, какъ и я, любилъ красоту и жизнь. Однажды я сказала ему это, именно въ то самое время, когда, желая развѣнчать въ моихъ глазахъ Пушкина, онъ прочелъ мнѣ его стихотвореніе «Поэтъ и Чернь» и, противъ воли, глаза Саши загорѣлись неподдѣльнымъ восторгомъ отъ красоты созвучій... Саша безсознательно поддавался вліянію нашей семьи; онъ даже пересталъ являться къ намъ въ осмѣянномъ мною «человѣконенавистническомъ» костюмѣ, который долженъ былъ свидѣтельствовать о его презрѣ-

ніи къ благамъ міра сего. Онъ меня любилъ, — я это чувствовала, мнѣ нравилось его молчаливое обожаніе, и я испытывала громадное наслажденіе отъ сознанія моей силы надъ нимъ... Еще бы!.. Юноша, готовый «умереть за идею», въ мантіи гражданской скорби, превращался въ пажа капризной шаловливой барышни, бѣгалъ съ ней взапуски по саду, игралъ въ мячъ и читалъ... все того же ненавистнаго Пушкина. Хорошее было время, чистое и свѣтлое, какъ заря. Подобно лучу солнца, прорѣзываетъ оно мои сумрачныя воспоминанія, вызываетъ улыбку на лицѣ... Пятнадцать лѣтъ, больше даже, прошло съ того времени, а мнѣ иногда кажется, что тогда-то было самое настоящее, была жизнь! Что жъ это значитъ?

По окончаніи гимназіи, Саша уѣхалъ въ университетъ; прощаясь, онъ убѣждалъ меня покончить съ дребеденью романтизма, звалъ къ реальному живому дѣлу, а я только улыбалась и съ ехидною мыслью увѣряла его, что онъ вернется на лоно искусства.

III.

Скоро послѣ отъѣзда Саши, «духъ разрушенія», которымъ былъ пропитанъ онъ и съ которымъ я такъ удачно боролась, захватилъ таки меня, захватилъ и изломалъ.

Нежданно-негаданно ворвался онъ къ намъ въ лицѣ Николая Ивановича Воронова, дальняго родственника моего отца; ему было лѣтъ около тридцати. Высокій, худой, съ желчнымъ, умнымъ лицомъ, проницательнымъ взглядомъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ, рѣзкой рѣчью, порывистыми движеніями, частыми нервными подергиваніями, онъ произвелъ на меня непріятное, даже отталкивающее впечатлѣніе. Семинаристъ, бурсакъ такъ и выглядѣлъ во всѣхъ его манерахъ.

Помню, я и отецъ сидѣли на террасѣ, углубленные каждый въ чтеніе. Звукъ тяжелыхъ шаговъ привлекъ мое вниманіе; я подняла голову. По аллеѣ сада шелъ незнакомый мнѣ субъектъ, запыленный, съ палкой въ рукѣ. Отецъ поднялся на встрѣчу.

— Что, не узнаешь?—спросилъ незнакомецъ, и его тонкія губы искривились въ странную усмѣшку.

— Николай!..—всполошился отецъ, суетливо усаживая гостя; онъ какъ будто растерялся, не зная, что̀ дѣлать.—Откуда, какими судьбами?.. А кстати, познакомься—моя дочь, Лена!.. Чаю не хочешь ли? Гдѣ былъ, что дѣлалъ?

Вѣки у отца дергались, что̀ всегда означало глубокое душевное волненіе. Николай Иванычъ все съ той же странной усмѣшкой смотрѣлъ то на него, то на меня. Мнѣ становилось неловко...

— Я къ тебѣ, Григорій, на нѣсколько дней... писемъ здѣсь нужно дождаться и дальше.

— Ну, чтожъ, ну, чтожъ, я радъ!..

— Ну, братъ, радъ не радъ, а повинность отбывай,—не то шутливо, не то серьезно сказалъ онъ.—Самъ знаешь—голъ, какъ соколъ. А ты постарѣлъ и растолстѣлъ—въ прокъ, значитъ, свое гнѣздышко... А Марья Васильевна—здорова?

— А вотъ и мама! — сказала я, обрадованная, что могу, наконецъ, избавиться отъ присутствія непріятнаго гостя, и удалилась къ себѣ.

Безпокойный, тревожный духъ поселился вмѣстѣ съ нимъ въ нашей семьѣ и какъ будто пронизалъ нѣмыя стѣны нашего дома. Всѣмъ было не по себѣ; я видѣла, какъ передергивались мускулы лица моей матери, когда заговаривалъ Николай Иванычъ, какъ безпокойно ерзалъ на стулѣ мой отецъ, теребя свою жиденькую бородку. Обыкновенно подъ какимъ либо предлогомъ меня высылали изъ комнаты. Я волновалась, не зная почему, и съ затаеннымъ вниманіемъ старалась уловить смыслъ мало понятныхъ для меня фразъ; я забросила свои любимыя занятія; книги выпадали у меня изъ рукъ. Я чего-то ждала.

Хороша южная осень, хороши замирающіе сентябрьскіе дни, а въ особенности хороши ночи. Мнѣ всегда бывало грустно и въ то же время сладко въ эти послѣднія теплыя ночи. Я любила уединиться въ своей комнатѣ и сидѣть у открытаго окна, глядя на сверкающее небо; такъ тоскливо, тоскливо щемитъ сердце и рвется куда-то... и вѣрится, что гдѣ-то «тамъ» меня ждетъ громадное счастіе, «тамъ», гдѣ вѣчная красота, любовь и правда... Засидишься, замечтаешься и не видишь, какъ время идетъ...

Вотъ въ такую-то чудную ночь, съ замирающею тоскою на сердцѣ, старалась я проникнуть въ таинственную, манящую даль будущаго. Я спрашивала и звѣзды, и небо, и нѣмую тишину, кто изъ насъ правъ—я или Саша, съ юношескимъ пыломъ отрицавшій все, что я любила, звавшій меня на «подвигъ». Подвигъ! Сколько въ этомъ словѣ обаятельно прекраснаго, высокаго и чистаго! Десятки героевъ-подвижниковъ проносились въ моемъ воображеніи и манили меня. Я задыхалась отъ наплыва жгучихъ, бунтующихъ молодыхъ силъ, я рвалась къ подвигу. Но онъ рисовался мнѣ среди блеска сіяющаго дня, при звукахъ трубъ и литавръ, ликующихъ крикахъ толпы. Я стояла у окна, гордо выпрямившись, ощущая во всемъ существѣ отвагу, какъ вдругъ до слуха моего долетѣлъ громкій голосъ Николая Ивановича. Я вздрогнула, притаилась.

— При такой системѣ вы воспитаете тепличное растеніе... Россіи нужны закаленныя натуры, боевыя, а не кисейныя барышни. Первый серьезный ударъ разобьетъ ее со всѣми цвѣточками да стишками...

— Ошибаетесь,—мягко возражала мать,—стишки, какъ вы презрительно называете поэзію, укрѣпятъ ея сердце, разовьютъ въ немъ любовь, а любовь громадная сила. Любовь сильнѣй ненависти, ко-

торую проповѣдуете вы... Живая и мертвая, я буду охранять свою Лену отъ отрицательныхъ теченій, и что бы вы мнѣ ни говорили, я вѣрю, вѣрю, что настанетъ, наконецъ, царство всечеловѣческой любви. Скажите по правдѣ, по совѣсти, что больше счастія даетъ вамъ, что смягчаетъ вашу душу—любовь или ненависть?

— Вы знаете хорошо,—пониженнымъ тономъ отвѣтилъ онъ,—что любви я не знаю. Любовь ушла отъ меня... вмѣстѣ съ вами, и я сталъ питать себя... ненавистью! О Маша, зачѣмъ, зачѣмъ ты сдѣлала такъ?

— Ни звука! Бога ради ни звука! Неужели вы опять пришли за тѣмъ, чтобы терзать меня?..

Неподдѣльная скорбь звучала въ голосѣ моей матери, скорбь безнадежная, какъ могила... Теперь мнѣ все стало понятно! Понятно, почему страдаетъ и молчитъ моя мать, почему недоволенъ отецъ...

Она его любитъ. Эта мысль не давала мнѣ покоя, жгла меня, мутила мой умъ. Она—нѣжная, изящная, ласковая и кроткая, какъ голубка, и онъ—суровый, жесткій и хищный, какъ ястребъ... развѣ это возможно? Голоса давно уже замолкли, а въ моихъ ушахъ все еще раздавались два голоса: одинъ непріятный, рѣзкій, и другой мягкій, гармоничный, и слезы обиды, страданія, подступали къ моему горлу... Я упала на стулъ и зарыдала. И какъ мрачно, темно стало вокругъ меня... мнѣ казалось, что стѣны нашего дома расшатываются.

IV.

Ночь я спала плохо... Цвѣточки, стишки, тепличное растеньице, ненависть, любовь—все перемѣшивалось въ моемъ мозгу, подымало бурю въ душѣ, и мракъ, мракъ, безграничный мракъ. Чистый, свѣтлый образъ моей матери то покрывался темными пятнами, то снова блисталъ неземною красотой... Это была странная и страшная ночь. Въ эту ночь у меня зародилось сомнѣніе въ томъ, чему учила меня моя мать, и въ первый разъ я ощутила въ своемъ сердцѣ ненависть. Любя мать и страдая за нее, я ненавидѣла этого чужого человѣка, нарушившаго нашъ покой, ненавидѣла и въ то же самое время мучительно хотѣла открыть завѣсу непонятной мнѣ тайны. Я боялась этой тайны, боялась его и въ то же время хотѣла заглянуть въ его душу. Знаетъ ли отецъ, а если знаетъ, то почему терпитъ, молчитъ? И зачѣмъ онъ пришелъ сюда, что ему надо? Зачѣмъ онъ, пользуясь гостепріимствомъ нашего дома, оскорбляетъ насъ всѣхъ—отца, мать, меня? Вотъ вопросы, которые не давали мнѣ покоя всю ночь, а обиднѣе всего было сознаніе, что онъ смѣлъ назвать меня кисейной барышней. Чувства и мысли, волновавшія меня, смѣнялись съ невѣроятною быстротой, я теряла подъ собою почву.

«Я ему докажу, докажу, что я не такая, не тепличное растеніе!»—возмущаясь, твердила я, бродя по аллеямъ нашего сада.

— Съ добрымъ утромъ, барышня! Сегодня вы рано встать изволили,—раздался за моей спиной ироническій голосъ Николая Иваныча. Я невольно остановилась, полуобернувшись къ нему.

Странное чувство овладѣло мною: вчерашняя боль, обида, съ новою силою проснулись во мнѣ, вызывая бурный протестъ, и рядомъ съ ними подымалось любопытство, желаніе узнать его, поговорить съ нимъ.

Мы молча стояли другъ противъ друга. Онъ безцеремонно разсматривалъ меня, какъ какую нибудь диковинную вещь.

— Съ книжкой?—тѣмъ же тономъ спросилъ онъ, бросая взглядъ на мою руку,—нельзя ли полюбопытствовать, что вы читаете?

— Шиллера.

Я въ упоръ смотрѣла на него.

— Гмъ! Шиллера. Положимъ, не дурное дѣло. Только не скажете ли вы мнѣ, барышня, что вы будете въ жизни дѣлать съ Шиллеромъ-то?

Покручивая усы, онъ проницательно смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

Я смутилась и досадливо отдернула книгу, которую онъ было хотѣлъ взять. При этомъ движеніи ко мнѣ сразу вернулось самообладаніе; мнѣ захотѣлось отомстить ему за все, сказать что нибудь колкое, непріятное.

— Что буду дѣлать? Буду пропагандировать Шиллера, буду служить искусству.

— О-го-го! такъ вотъ вы какая! Гмъ! Такъ служить искусству? А знаете ли, барышня, что это значитъ въ переводѣ на нашъ плебейскій языкъ? А это значитъ—высасывать кровь народа на утѣху праздныхъ богачей!

Я вспыхнула и рѣзко отвѣтила:

— А по-нашему проповѣдывать любовь даже къ врагамъ.

Я сдѣлала движеніе, чтобы уйти, и остановилась, пораженная: столько неподдѣльной скорби прочла я въ его лицѣ... Мнѣ сразу стало стыдно за то, что я такъ грубо и зло говорила съ нимъ.

— Да, барышня, задору-то у васъ много и душенка есть, да извратили ее—романтизмомъ пропитали. Не говорили бы вы такъ, если бы знали, какимъ кровавымъ потомъ обливается народъ, цѣною какого страданія выращиваются ваши Шиллеры, Шекспиры. Хороши они, спору нѣтъ! Въ минуты досуга я бы самъ съ удовольствіемъ почиталъ ихъ; но ставить ихъ, или, какъ вы говорите, искусство, въ основу своей жизни—нельзя. Нельзя потому, что большинство, ужасающее большинство, барышня, стонетъ и мечется безъ свѣта, безъ тепла, безъ пищи даже. Пойдите, посмотрите, какъ живетъ народъ, какую тяжесть несетъ на своихъ плечахъ этотъ спящій вѣковымъ сномъ богатырь... пойдите, посмотрите—и вамъ станетъ стыдно того, что вы сейчасъ сказали.

Онъ замолкъ и грустно смотрѣлъ вдаль. Я съ минуту колебалась, потомъ, протянувъ ему руку, тихо произнесла:

— Простите меня.

Какимъ свѣтлымъ взглядомъ подарилъ онъ меня, какъ чудно прояснилось и расцвѣло его угрюмое лицо!

— Хорошая у васъ душа, барышня, — произнесъ онъ, крѣпко пожимая мою руку, — отзывчивая. Жаль, что раньше мнѣ не удалось узнать васъ... я долженъ уѣхать.

Лицо его снова затуманилось, и мрачная тѣнь заволокла взглядъ, мускулы лица передергивались. Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ въ пространство и снова улыбнулся, взглянувъ на меня.

— Не Шиллеръ, барышня, нуженъ намъ теперь,—началъ онъ, понижая голосъ и устало опираясь о стволъ дерева, — не художества, а ломъ каменщика и ножъ хирурга. Нужна неустанная работа сознанія и воли, нужны руки чернорабочаго. И тогда—стишки, поэзія и всякія художества могутъ имѣть мѣсто. Вы не вѣрите? Такъ, слушайте... Пойдемте, сядемъ тамъ, на скамейку, и я вамъ кое-что разскажу. То, что я вамъ скажу, не скажетъ вамъ ни отецъ, ни мать. Они хорошіе люди — сердечные, добрые, спору, нѣтъ, да зарылись въ своемъ гнѣздышкѣ.

Мы прошли и сѣли на скамейку.

Онъ началъ рисовать передо мною жизнь народа, его горе, его нужды, разсказывать о нихъ такъ, какъ будто это было его собственное горе. Онъ исколесилъ чуть ли не всю Россію, много видѣлъ, много зналъ, и свою рѣчь иллюстрировалъ такими картинками, отъ которыхъ морозъ пробѣгалъ у меня по кожѣ.

— Такъ что же дѣлать? Что я могу сдѣлать?—вскрикнула я въ безотчетной тоскѣ, подавленная громадностью открывшагося страданія.

— Что дѣлать?—мрачно переспросилъ онъ,—вы хотите знать, что дѣлать? Идите туда, въ народъ, идите къ нему, страдайте съ нимъ, живите съ нимъ, тяните вмѣстѣ его ярмо — и тогда вы будете знать, что надо дѣлать. Вы стоите у преддверія жизни—передъ вами двѣ дороги: одна торная, легкая, ведущая къ наслажденію жизнью, личному эгоистическому счастію, и другая узкая, тернистая—дорога труда, подвига....

Онъ остановился и нѣсколько мгновеній не сводилъ взгляда съ моего смущеннаго лица, и его острые пронизывающіе глаза жгли мою душу. Какъ все измѣнилось въ моихъ глазахъ! Исчезли яркія краски, нѣтъ болѣе благоухающихъ цвѣтовъ, ласкающихъ звуковъ. Міръ, который манилъ меня свою неумирающею красотою, стоялъ передо мною словно обнаженный и вселялъ ужасъ и холодъ въ мою душу.

Въ первый разъ роскошное утро осени не вызвало въ душѣ моей радостнаго ликованія, въ первый разъ сквозь золотистую, фан-

тастическую листву деревьевъ я видѣла безобразный сучковатый остовъ, въ шелестѣ листьевъ слышала плачъ умирающаго... Я чувствовала, какъ кровь отливала отъ лица и конечностей и сосредоточивалась въ сердцѣ, которое томительно билось.

— Нѣтъ,—сказала я, овладѣвъ собою,—нѣтъ, Николай Иванычъ, я не пойду по широкой дорогѣ наслажденія... Я хочу подвига! Я пойду къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» и отдамъ все, что я имѣю... Научите меня!..

— Какое вы милое дитя! — тронутымъ голосомъ сказалъ онъ, лаская меня своимъ взглядомъ, и мнѣ чудилось, что цѣлый міръ скорби и страданія смотритъ на меня.

V.

Съ тѣхъ поръ началась ломка, ужасная ломка! Не такова я была, чтобы остановиться на половину.

Николай Иванычъ уѣхалъ, но «духъ разрушенія» продолжалъ царить въ нашей семьѣ. Тяжело, уныло стало въ домѣ. Мать со страхомъ слушала мои страстныя, горячія тирады, пытаясь удержать, уравновѣсить взбунтовавшуюся душу, отецъ смотрѣлъ точно виноватый, а я, изнемогая подъ бременемъ страданія, бросала иногда имъ жесткій упрекъ. Ахъ, что это было за мучительное время, я и теперь безъ содроганія не могу вспомнить о немъ.

Уѣзжая, Николай Иванычъ совѣтовалъ мнѣ для начала познакомиться съ двумя дѣвушками, «святыми труженицами на нивѣ жизни. Тамъ вы встрѣтите настоящій трудовой народъ, познакомитесь съ его чаяніями, надеждами».

Я розыскала ихъ въ одной изъ людныхъ, мѣщанскихъ улицъ; онѣ занимали небольшую комнату отъ хозяйки. Меня съ перваго раза непріятно поразилъ безпорядокъ, царящій тамъ: принадлежности швейнаго и сапожнаго ремесла были разбросаны по всѣмъ угламъ, воздухъ спертый и пропитанный запахомъ кожи. Одна изъ дѣвушекъ была швея, простенькое, недалекое, вполнѣ безобидное и доброе существо: въ ея голубыхъ наивныхъ глазахъ свѣтилось любопытство молодости; другая, постарше, брюнетка съ миловиднымъ лицомъ и жгучими, блестящими глазами, окончившая годъ тому назадъ гимназію, была сапожница. Узнавъ, что меня прислалъ Николай Иванычъ, онѣ обѣ приняли меня съ распростертыми объятіями, и въ тонѣ молодыхъ, веселыхъ голосовъ звучала искренняя нотка участія, симпатіи; я же смущалась и, какъ дикій звѣрекъ, разсматривала ихъ, спрятавъ далеко, далеко юные порывы своей души.

Проэкзаменовавъ меня по всѣмъ статьямъ, т.-е., что я читала, гдѣ училась, онѣ были крайне поражены моимъ незнакомствомъ съ тенденціозной литературой и, снабдивъ меня книжками, взялись ру-

ководить моими первыми шагами. Я часто стала захаживать къ нимъ. Я собственно не знаю, зачѣмъ, почему я ходила, потому что, кромѣ тягостнаго чувства отчужденія и какой-то глубокой внутренней боли за это отчужденіе, за то, что я не могу такъ же сердечно и открыто относиться къ нимъ, какъ онѣ ко мнѣ, меня отталкивала и распущенность ихъ жизни, т. е. отсутствіе порядка и приличной, безукоризненной внѣшности, которую поддерживала моя мать. Меня коробили манеры какъ ихъ, такъ и посѣтителей, большею частью рабочихъ, вкусившихъ отъ книжной мудрости, коробило даже то обстоятельство, что всегда, когда бы я ни приходила, я заставала тамъ кого нибудь. Безнравственнаго у нихъ ничего не было: былъ простой товарищескій, но по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, слишкомъ вольный духъ распущенности, съ которымъ я не могла примириться. Въ разговорахъ, въ шуткахъ, я не принимала участія—приду, посижу, послушаю, что говорятъ, и ухожу съ тяжестью на сердцѣ и съ кипою книгъ въ рукахъ. Проштудировала я и Чернышевскаго и Добролюбова, Писарева, Щапова и пр. Читала я много, но понимала мало... Отъ матери я, опять же не знаю почему, скрывала какъ свое новое знакомство, такъ и книжки, которыя читала, и это обстоятельство еще болѣе удручало меня.

Эта полоса моей жизни теперь, когда я смотрю на нее изъ дали прошедшаго, представляется мнѣ непроглядными сумерками — ни ночь, ни день, а неопредѣленный хаосъ. Я находилась во власти мнѣ невѣдомыхъ, стихійныхъ силъ, дѣйствовала и говорила не такъ, какъ я находила нужнымъ, а куда меня толкало. Вышибленная разъ изъ колеи, я неслась безъ удержу, но и безъ вѣры, безъ надежды, безъ упованія, неслась потому, что такое теченіе подхватило меня.

Попала я къ нимъ, однажды, въ день именинъ Фанни, и обѣ дѣвушки очень мило и сердечно просили меня остаться на праздникъ.

— У насъ будутъ гости, будетъ весело—не уходите!

Я осталась и просидѣла довольно поздно, какъ на иголкахъ. Я знала, что мать будетъ безпокоиться, и ужасно мучилась отъ этого сознанія, тѣмъ болѣе, что здоровье матушки значительно расшаталось за послѣднее время, но я не торопилась уйти. Не потому, что меня удерживали, или мнѣ было весело—совсѣмъ нѣтъ. Съ тяжестью въ душѣ, съ упрекомъ совѣсти, сидѣла я угрюмая и мрачная, и даже не могла по обыкновенію вслушиваться и вдумываться въ то, что говорилось вокругъ меня...

— Гдѣ ты была такъ долго?—спросила меня встревоженная мать.

— Неужели я не могу шагу сдѣлать безъ контроля! — вскрикнула я, мгновенно раздражаясь.

— Лена!—съ упрекомъ протянулъ отецъ, глазами указывая на грустное, поникшее лицо матери.

— Я не понимаю, мама, почему ты постоянно волнуешься и

тревожишься за меня... Это тягостно... Мама, развѣ я не могу жить по-своему, и неужели ты не довѣряешь мнѣ? Развѣ не ты учила меня добру, правдѣ, развѣ не ты указывала мнѣ заманчивый идеалъ, не ты ли говорила, что нужно бороться со зломъ!

— Да, Лена, да!.. Но не тѣмъ путемъ, какъ это думаете вы.... дитя, ты молода, ты не понимаешь, куда идешь, и воображаешь, что однимъ махомъ можно все передѣлать по-новому. Жизнь сложнѣй, чѣмъ ты думаешь, а люди, Лена, останутся тѣ же самые, въ какія бы формы вы ни перелили ихъ.

— Нѣтъ, мама, нѣтъ! Человѣкъ не можетъ быть дурнымъ, когда у него все есть, понимаешь ли ты это?.. Несправедливость, зло въ томъ, что меньшинство властвуетъ надъ большинствомъ.

— Лена, ты сама себѣ противорѣчишь, повѣрь, дитя мое, что всегда найдется меньшинство, которое будетъ господствовать надъ большинствомъ. Равенства нѣтъ и не можетъ быть, потому что люди не равны. Учись, работай, думай, но Бога ради не бросайся, очертя голову, въ омутъ жизни. Ты стала скрываться отъ меня, таишь что-то—развѣ я не вижу—и ты хочешь, чтобы я была спокойна... Скажи, зачѣмъ ты прячешь отъ меня свою душу, неужели я врагъ тебѣ? Посмотри же на меня прямо, дитя мое, вѣрь, я пойму тебя, пойму и помогу разобраться въ томъ, гдѣ правда, гдѣ истина. Лена, что же ты молчишь, что не смотришь на меня?.. Развѣ не видишь—мнѣ уже недолго осталось жить, а ты... ты, моя надежда, уходишь отъ меня.

Она заломила свои руки такъ, что пальцы хрустнули, и закашлялась; два яркія подозрительныя пятна играли на ея впалыхъ щекахъ...

Я бросилась къ ней, называла ее нѣжными именами, увѣряла, что она ошибается, что не только душу, но и жизнь свою я готова ей отдать.

Но, увы! этой жизни не суждено было долго горѣть. Хрупкій нѣжный организмъ матери не выдержалъ натиска «отрицательной силы», уничтожающей все, въ чемъ она находила поддержку... Я опомнилась, но было поздно.

Послѣ этого вечера мать не могла уже встать, таяла, чахла и наконецъ умерла... Въ холодномъ отчаяніи стояла я надъ трупомъ безгранично любимаго существа и молила... смерти!

VI.

Сильныя катастрофы отрезвляющимъ образомъ дѣйствуютъ на человѣка, заставляютъ его задумываться надъ причиной ихъ. Смерть матери освѣтила хаосъ, въ которомъ находилась душа моя. Я спрашивала себя, для чего должна была погибнуть, исчезнуть изъ міра эта чудная душа и не находила отвѣта. Все существо мое возму-

щалось жертвой, которая была принесена на алтарь моего «возрожденія», но, странное дѣло, остановиться я не могла!.. душа моя все больше и больше ожесточалась, и я гнала отъ себя всякую свѣтлую мечту о радости, счастіи. «Теперь, говорила я, когда жертва принесена, подвигъ, только одинъ суровый подвигъ, можетъ искупить ее!» Нельзя было дойти до большаго самоотреченія, чѣмъ дошла я въ этотъ сумеречный періодъ моей жизни.

У Поли и Фанни я встрѣчалась съ людьми разнаго развитія и различнаго общественнаго положенія, вслушивалась въ ихъ рѣчи, и во всемъ, что они говорили, звучала одна и та же нотка: жертва! Жертвовать собой, отказавшись отъ всѣхъ благъ міра, во имя грандіозной мечты, казалось неизбѣжнымъ!.. Мнѣ грустно дѣлается, когда я вспомню нашу Полю, тоже своего рода жертву «духа времени». Веселая, живая, она мечтала о тихой семейной жизни, о мирныхъ радостяхъ домашняго очага, въ то время, какъ стихійная сила тянула ее на путь подвига... Не помню, какимъ образомъ намъ, двумъ молчальницамъ нашего кружка, удалось разговориться, вѣроятно, потому что никого не было. Я разспрашивала ее о положеніи работницъ въ швейныхъ мастерскихъ; нарисовавъ довольно неприглядную картину «эксплуатаціи» молодыхъ силъ, она многозначительно улыбнулась.

— Но скоро, скоро все будетъ иначе!..

— Скоро, Поля... не вѣрится что-то!

— Не вѣрите?.. А какже, говорятъ... и она наклонилась ко мнѣ и шепотомъ передала «мечту».

Скептицизмъ ли матери, свойство ли моей натуры, другія ли какія причины, но только сомнѣніе въ прекрасномъ и близкомъ будущемъ было сильно во мнѣ. Я невольно улыбнулась и, не стараясь ее разочаровывать, спросила, что же тогда она будетъ дѣлать.

— О, мы устроимъ швейную ассоціацію, у насъ уже есть планъ... хозяйки у насъ не будетъ, и «добавочная стоимость» останется въ нашихъ рукахъ...

О, эта фраза, эта «добавочная стоимость»! Она произвела коренной переворотъ въ моемъ взглядѣ на Полю и ея мечтанія, и мнѣ было какъ будто совѣстно за свой скептицизмъ, а еще больше за свою умственную отсталость, такъ какъ всѣ эти стоимости весьма трудно укладывались въ моемъ мозгу. Вотъ, думала я съ горечью, она уже знаетъ Маркса, въ то время, какъ я дальше Писарева и Добролюбова не пошла... Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ все это такъ близко и возможно, а я ничего не дѣлаю... мало, что не дѣлаю, а еще сомнѣваюсь въ людяхъ, которые творятъ новую жизнь. Я съ радостію набросилась на чтеніе всякихъ политико-экономическихъ сочиненій, отъ которыхъ иногда у меня трещала голова и все перепутывалось.

На каникулы пріѣхалъ Саша. Мы съ нимъ не видались два

года, но встрѣча вышла холоднѣй, чѣмъ ожидала я; онъ возмужалъ и измѣнился: если прежде я спорила съ нимъ, отстаивая искусство, то теперь мнѣ пришлось спорить, отстаивая «идею». Но у меня уже не было прежняго огня, а въ тонѣ его голоса чувствовалась усталость, также какъ и во взглядѣ задумчивыхъ, потерявшихъ прежній блескъ глазъ.

— Нытикъ вы, и больше ничего! — сказала я ему раздражительно...

— Что жъ дѣлать, Лена? Все измѣняется! Когда я ѣхалъ сюда, я думалъ, что встрѣчу васъ все той же—веселой, свѣжей, а вы—не что вы стали похожи?

— Вы же сами звали меня — помните — къ реальному дѣлу, а теперь какъ будто сожалѣете...

— Какъ вамъ сказать?... Прежде съ вами было легко, весело... Я, бывало, всегда шелъ отдыхать къ вамъ отъ всѣхъ нашихъ длинныхъ разглагольствованій, а теперь...

— Ну, что жъ теперь?..

— Теперь и вы томите, и вы заражены... Знаете, что странно, Лена,—оживился онъ:—вотъ если бы я васъ засталъ прежней, я бы опять спорилъ съ вами, опять бы мнѣ хотѣлось передѣлать васъ, а теперь мнѣ какъ будто жалко, что нѣтъ прежней Лены.

Я вздохнула.

— Ничего не передѣлаешь, Саша. Ужъ такая я останусь... Подумаемъ-ка лучше, что мнѣ теперь дѣлать. Вѣдь искусство въ отставкѣ...

Мы рѣшили, что осенью я должна ѣхать въ Питеръ, чтобы поступить на фельдшерскіе курсы.

VII.

Дома жилось тяжело. Съ отцомъ я почти не говорила—и о чемъ бы мы могли говорить, когда между нимъ и мною стояла она, его и моя мука... Мысль объ отъѣздѣ нѣсколько оживила меня. Я съ радостью разставалась съ когда-то милымъ, а теперь постылымъ домомъ... Безсознательно хотѣлось уйти отъ своихъ терзаній. Однажды, когда мнѣ было очень грустно, я прошла въ гостиную и заиграла, въ первый разъ послѣ смерти матери. Звуки то стонали и плакали подъ моими пальцами, то прорывались бурнымъ протестомъ, то замирали въ безграничной тоскѣ. Слезы давили меня.

— Лена, дитя мое!—услышала я дрожащій голосъ отца... Его рука гладила мои волосы... Я прильнула губами къ этой рукѣ, и все, что мучило, что терзало меня, излила въ жгучихъ слезахъ. Сквозь рыданія я передавала ему свои сомнѣнія, свою тревогу, свою мечту... На душѣ становилось какъ будто легче, а вдали мель-

калъ огонекъ надежды... Я немедленно сообщила ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ; онъ заволновался.

— По силамъ ли тебѣ это, Лена? Тамъ жизнь тяжелая, климатъ суровый, а ты такая хрупкая, и при томъ ужасно похожа на мать!—чуть слышно добавилъ онъ.

— Папа, не могу я жить, сознавая, что мои силы нужны народу, что мы, получившіе отъ него все, воспитавшіеся его трудомъ, ничего не даемъ ему... А съ чѣмъ я теперь пойду къ нему—неужели съ Шиллеромъ въ рукахъ? Боже мой, да это была бы насмѣшка, потому что у него нѣтъ самаго насущнаго... Папа, не отговаривай меня, я и такъ измучилась... Я только буду счастлива тогда, папа, когда я беззавѣтно отдамся ему, понимаешь, папочка, беззавѣтно, безраздѣльно!.. горя, какъ въ огнѣ, говорила я.

— Боюсь, Лена, какъ бы ты не надломила себя. Надо выбирать трудъ по силамъ. Впрочемъ, не думай, что я тебя удерживаю... Нѣтъ, нѣтъ, если ты не можешь иначе, то, конечно, поѣзжай...

На этомъ мы и покончили. Больше я не возвращалась къ этому предмету, боясь огорчать отца напоминаніемъ близкой разлуки.

Но этому не суждено было свершиться. Стихійная сила, толкнувшая меня въ кружокъ людей, идеи которыхъ не соотвѣтствовали ни моей натурѣ, ни моимъ наклонностямъ, сдѣлала свое дѣло. Кружекъ потерпѣлъ крахъ, а съ нимъ вмѣстѣ и моя мечта о фельдшеризмѣ... Черезъ шесть мѣсяцевъ я была отправлена въ одинъ изъ захолустныхъ городовъ восточной Россіи. Отецъ расхворался, долженъ былъ оставить мѣсто и поѣхалъ со мною.. Тамъ я и похоронила его... Бѣдный! ему даже не удалось лечь рядомъ съ дорогой любимой женщиной. Что потомъ?

Потомъ, послѣ трехъ лѣтъ тяжелой жизни,—жестокая борьба за существованіе, напряженіе всѣхъ силъ за право не умереть съ голоду; шатаніе изъ дома въ домъ въ качествѣ бонны, гувернантки, рядъ оскорбленій, обидъ и тоска, безпросвѣтная тоска!

Наконецъ, послѣ многихъ мытарствъ, хлопотъ—я сестра милосердія при военномъ госпиталѣ города N.

Итакъ, мечта юности отдаться «беззавѣтно, безпредѣльно» страдающимъ осуществлена, но счастлива ли я?

VIII.

Можетъ ли быть счастливо существо, которое окружаютъ вѣчныя сумерки, и которое алчетъ и жаждетъ свѣта?..

Стоны больныхъ, вздохи умирающихъ, воздухъ, пропитанный карболкой и іодоформомъ, и безпрестанный возгласъ: сестрица! Сколько ироніи въ одномъ этомъ словѣ! Сестрица—существо безъ воли, безъ души, безъ желаній, безъ личности—это нѣчто среднее между манекеномъ и человѣкомъ... И я двигаюсь отъ койки до койки, какъ

манекенъ, какъ онъ, вздрагивая при звукѣ: сестрица! мечусь отъ одного угла въ другой, теряя сознаніе пространства, времени. Жестокій опытъ разрушилъ мою юношескую мечту, отдаваться «безраздѣльно, беззавѣтно» я не могу, потому что внутри меня что-то плачетъ и рыдаетъ и рвется къ воздуху, свѣту, жизни... Вначалѣ, въ первое время своей новой дѣятельности, когда усталая душа жаждала покоя, мнѣ даже понравилась моя роль манекена: я отдавалась, исполняла, забывалась, и потомъ засыпала, какъ убитая, чтобы снова начать ту же маяту.

По своей наивности я предполагала, что во мнѣ умерло мое я, что оно не предъявитъ никакихъ требованій, никакихъ желаній, но вышло не такъ. Мало-по-малу, во мнѣ пробуждались желанія, я начинала чего-то хотѣть; между прочимъ мнѣ ужасно хотѣлось имѣть піанино, и до такой степени было сильно это неосуществимое желаніе, что я начинала страдать и ожесточаться. Вернусь, бывало, изъ палаты, усталая, разбитая, брошусь на постель, отдохну немного, и тутъ-то начнутся мои муки: ноги ноютъ, голова болитъ, а передъ глазами развертывается заманчивая картина. Чудится мнѣ наша широкая степь, голубое небо, легкій шелестъ вишневыхъ деревьевъ, я ощущаю даже ароматъ цвѣтовъ; фіалки въ особенности преслѣдовали меня... или вижу я нашу уютную гостиную, отца, покойно сидящаго въ креслѣ съ газетой въ рукахъ, мать, наигрывающую на рояли... Тоска безумная, мучительная сдавливаетъ мнѣ грудь, а звуки все ростутъ, разливаются, заполоняютъ все. Мнѣ хочется потонуть, исчезнуть въ этихъ, то рыдающихъ, то пропитанныхъ страстью звукахъ, и замереть... мнѣ становится не въ моготу. Я, вскакивая, открываю глаза: видъ постылой комнаты, запахъ іодоформа приводятъ меня чуть не въ изступленіе. Одѣваюсь и бѣгу. Куда, зачѣмъ? Хожу на нашъ крѣпостной валъ, часами простаиваю, любуясь широкой панорамой города и даю волю давящимъ рыданіямъ. О чемъ они? То мнѣ кажется, что я опускаюсь въ страшную, темную пропасть, то утопаю въ холодныхъ бушующихъ волнахъ, то задыхаюсь среди труповъ... Свѣта! свѣта!—стону я, протягивая руки въ пространство, но нигдѣ не блеснетъ свѣтлый лучъ надежды, не согрѣетъ душу. Сзади—казенныя неприглядныя постройки госпиталя, съ казенными непривѣтными садиками, впереди чуждый городъ и ни одной родной души!

А сердце мое жаждало участія, тепла, любви—и я полюбила.

Случилось это совсѣмъ неожиданно. Когда Павелъ Николаевичъ появился у насъ въ госпиталѣ въ качествѣ практиканта, и я въ первый разъ увидала его лицо, фигуру, жесты, мнѣ почему-то стало весело и легко на душѣ. Послѣ визитаціи онъ зашелъ ко мнѣ.

— Если бы вы угостили меня чайкомъ, сестрица, сдѣлали бы доброе дѣло!—просто, потоварищески сказалъ онъ, присаживаясь у стола:—какъ у васъ здѣсь хорошо, весело—сейчасъ видна женская

рука! Посадите нашего брата въ такую обстановку, такъ устроишься, что смотрѣть тошно. То ли дѣло—женщина: привѣситъ тамъ занавѣску, здѣсь бантикъ приколетъ, тамъ цвѣточекъ поставитъ—глядишь, и уютно, и тепло!

Онъ улыбался, глядя на меня, и мнѣ показалось, что моя комната тоже улыбается: и цвѣты стали зеленѣе, и стѣны бѣлѣе, и свѣта въ ней больше.

— Поневолѣ будешь устроиваться и уютно, и тепло, когда вся жизнь проходитъ здѣсь.

— Вся жизнь—что вы? Я вижу тутъ у васъ новую «Русскую Мысль», а вотъ портретъ Салтыкова, стихотворенiи Надсона... Доказательство на лицо, что ваша мысль летитъ за стѣны этого зданiя—не правда ли?

— Было бы очень грустно, если бы моя мысль дальше не шла. Живому—живое!

— Вотъ, вотъ! Я это самое и думаю, сестрица. Живому—живое, очень хорошо сказано. А вотъ, что вы, сестрица, скажете на счетъ Надсона?

— Надсона, то-есть, какъ это?

— Ну, да, Надсона! Я хотѣлъ сказать — духа его поэзiи. Говоря откровенно, не нравится мнѣ его нытье. Развѣ жизнь сама по себѣ не наслажденiе, не радость? Взгляните-ка въ окно: сколько солнца, сколько свѣта, какая живая игра тѣней, красокъ, какая мощная жизнь! Посмотрите, изъ каждой расщелины какая выглядываетъ зеленая травка... муравьи ползутъ, осы жужжатъ, деревья подымаются на встрѣчу солнечнымъ лучамъ. Сколько силы, сколько смысла и красоты!.. Развѣ это не хорошо?..

— Хорошо-то хорошо, да вѣдь нельзя же жить, посылая диѳирамбы солнцу и свѣту... Есть другiя задачи, вопросы... совѣсть, долгъ, наконецъ!

— Задачи... долгъ! Конечно, есть, но изъ этого не слѣдуетъ, что надо плакать и стонать Возьмемъ конкретный примѣръ; я докторъ, вы сестра; на насъ лежитъ извѣстная обязанность по отношенiю къ страждущему человѣчеству, и нашъ долгъ, честно, гуманно относиться къ нашему дѣлу — не такъ ли? Но неужели же, если нашъ больной, несмотря на всѣ наши усилiя, умретъ, напримѣръ, неужели мы должны ныть по этому поводу, превращать жизнь въ какую-то муку, тяготу? Есть между нашимъ братомъ, врачами, тоже такiе нытики — въ медицину, молъ, не вѣрятъ. А по-моему — ни вѣрить, ни невѣрить нельзя. Дѣлай, что можно по совѣсти, по разуму, и конецъ. Смерть и болѣзнь — зло, борись съ ними, но не ной, не порти жизни себѣ и другимъ.

— Но если человѣкъ сомнѣвается, теряетъ вѣру въ жизнь — тогда что? Какъ же онъ можетъ жить, наслаждаться, когда у него на душѣ адъ?

— Терять вѣру въ жизнь?.. Позвольте, какъ же можно терять вѣру въ то, что есть... Жизнь тутъ, мы ее видимъ, мы ее чувствуемъ и вдругъ — не вѣрить въ нее!

— Въ смыслъ жизни, въ правду, въ добро...

— Да смыслъ-то ея заключается въ ней самой, она же правда, она же и добро. Или вы скажете, что жизнь — не благо? Но другого блага мы не знаемъ. А разъ я есмь, я существую, то и мое желаніе просуществовать наиболѣе полно, любить и наслаждаться всѣмъ, что есть въ жизни хорошаго. Такъ-то, сестрица! Въ сущности, все это очень просто: живи и жить давай другимъ. Ну, а пока что, мы еще потолкуемъ по этому поводу, а теперь спѣшу.

Онъ крѣпко пожалъ мою руку и ушелъ. И мнѣ самой показалось, что, въ самомъ дѣлѣ, все просто, и что нужно жить также просто, наслаждаясь всѣмъ, что есть хорошаго въ жизни, и въ первый разъ послѣ многихъ, многихъ лѣтъ легкій свободный вздохъ облегчилъ мою придавленную грудь.

IX.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ часто бывать у меня. Жизнерадостная теорія Павла Николаевича захватила меня всю. Меня радовалъ каждый свѣтлый лучъ солнца, полетъ красивой бабочки, шелестъ листьевъ, трепетная, преисполненная глубокаго смысла жизнь природы, радовали мои выздоравливающіе больные, добрая улыбка, искренній смѣхъ, а больше всего меня радовало присутствіе Павла Николаевича, его бодрый тонъ, его живая рѣчь, молодой блескъ голубыхъ глазъ... Я жадно пила изъ кубка наслажденія благомъ жизни, не задумываясь, не заботясь о послѣдствіяхъ.

Я совсѣмъ забыла, что между мной и имъ была разница въ десяти годахъ, забыла, что за мной много, много тяжелыхъ лѣтъ страданія, суроваго опыта, а передъ нимъ — вся жизнь! Въ такомъ затменіи, упоеніи, самообольщеніи я прожила почти цѣлый годъ до катастрофы, разразившейся надо мною.

Есть ли человѣкъ, на котораго весна не вліяла бы въ благотворномъ смыслѣ — не знаю. Что касается меня, то вмѣстѣ съ весеннимъ расцвѣтомъ природы во мнѣ пробуждаются юношескія силы, юношеская бодрость и отвага. Въ эту же весну все это проснулось во мнѣ съ необычайною силой, а вмѣстѣ съ ними проснулась вѣра въ счастіе...

Я жила въ какомъ-то чаду, не жила, а буквально горѣла. Не медленною усталою поступью, не какъ манекенъ, ходила я по палатѣ, а какъ человѣкъ, у котораго выросли крылья, и который почувствовалъ свою мощь. Павелъ Николаевичъ собирался ѣхать на Дальній Востокъ, звалъ меня работать съ нимъ.

— Съ такой сестрой, какъ вы, работается веселѣе, а главное осмысленнѣе. Съ вами не уснешь!—шутливо говаривалъ онъ, тепло глядя на меня, и я чувствовала, что это правда. Подъемъ и сознаніе блага жизни, которая била во мнѣ ключемъ, переливались черезъ край, заражали другихъ. Ординаторъ съ нескрываемымъ изумленіемъ поглядывалъ на меня, и его отношенія ко мнѣ стали менѣе офиціальны, а въ глазахъ, обращенныхъ на меня, часто свѣтился игривый огонекъ.

— Скажите, кто или что свершило съ вами такое чудо?

— Какое чудо, докторъ?

— Я васъ не узнаю... Мнѣ кажется, что это не вы, а ваша младшая сестра... Неужели виновата весна?

— Конечно, весна, докторъ! — улыбнулась я, взглянувъ въ его глаза: въ нихъ игралъ странный необычный огонекъ.

— Чудо, чудо! — повторялъ онъ медленно, не спуская съ меня взгляда, отчего краска смущенія бросилась мнѣ въ лицо... Я повернулась уйти.

— Сестрица, минуточку... Скажите мнѣ — это не изъ простого любопытства — у васъ было горе, большое горе?

Онъ слегка наклонился ко мнѣ, гипнотизируя своимъ страннымъ взглядомъ, и его рука какъ бы невольно дотронулась до моей руки. Я вздрогнула, отшатнулась... Что-то больно кольнуло меня въ сердце...

— Всяко бываетъ, докторъ! — холодно отвѣтила я.

— Да, да!.. Ну, до свиданья!..

Онъ пожалъ мою руку, и это пожатіе такъ же, какъ и игра его лица, покоробило меня.

Этотъ маленькій, незначительный инцидентъ спугнулъ мою возродившуюся душу. Мнѣ стало и больно, и стыдно, и гадко. Въ такомъ состояніи улитки, спрятавшейся отъ грубаго прикосновенія въ свою раковину, засталъ меня Павелъ Николаевичъ.

Онъ былъ нервнѣе, порывистѣе обыкновеннаго, и его веселость показалась мнѣ напускною.

— Моя командировка рѣшена, Елена Григорьевна — черезъ мѣсяцъ ѣдемъ во Владивостокъ...

— То-есть, вы ѣдете, такъ какъ моя не рѣшена...

— Что это значитъ? Неужели это вы говорите?.. Не повѣрю! А я только и мечталъ объ этомъ путешествіи... вдвоемъ... Сколько новыхъ странъ, сколько впечатлѣній — духъ захватываетъ...

Его глаза блестѣли, ноздри расширились... Какъ онъ молодъ и какъ хорошъ!—подумала я съ болью и, мелькомъ взглянувъ въ зеркало, увидала въ немъ отраженіе своего блѣднаго, тусклаго лица, и въ одинъ мигъ я ощутила ясно невозможность моихъ упованій. Я наклонила голову, избѣгая его взгляда.

— Какая вы сегодня пасмурная, точно осень... Что съ вами?.. Взгляните веселѣе, радостнѣе!.. Развѣ вы не видите, какъ я васъ люблю?.. Лена, жизнь моя... что-жъ вы молчите?..

Онъ подошелъ ко мнѣ: развѣ вы не любите меня?..

— Я?.. Никогда!.. Вы съ ума сошли — пустите меня!..

Онъ отступилъ, поблѣднѣвшій и обезсиленный, и въ упоръ, точно не понимая, смотрѣлъ на меня.

— Я не вѣрю, не вѣрю, и этого не можетъ быть, это неправда!.. Это вы нарочно, чтобы мучить меня и себя... Этого не надо, не надо, Лена!.. Бросьте вы вашу вымученную, неестественную теорію жизни, взгляните прямо и просто, не отталкивайте счастія!.. Голубка, не ломайте себя, не терзайте меня!.. Взгляните, прислушайтесь къ голосу природы—какое могучее ликованіе жизни, какой безграничный зовъ къ любви, къ радости!..

Охъ, какъ онъ мучилъ меня потокомъ своихъ пламенныхъ рѣчей, своею любовью и своей мукой! Но чѣмъ больше онъ говорилъ, чѣмъ сильнѣе прорывалась въ его словахъ страсть, тѣмъ большій ледъ охватывалъ мое сердце, сердце, которое стремилось на встрѣчу ему... и тѣмъ ощутительнѣе чувствовала я разницу не уничтожающихся... десяти лѣтъ... Десять лѣтъ!.. Мнѣ хотѣлось уничтожить ихъ, вырвать изъ своей жизни, растоптать, но они, какъ мрачный призракъ, стояли надо мною, издѣвались и ломали меня...

— Въ счастье... я не вѣрю, и васъ не... люблю...

Хорошо, что онъ выбѣжалъ послѣ этихъ словъ изъ комнаты; я упала на стулъ, совсѣмъ разбитая, уничтоженная... Я сама не понимаю, откуда брались у меня жесткія слова, кто заставилъ звучать мой голосъ такъ сурово и непривѣтно... Какъ бы то ни было, но дѣло было сдѣлано. Передо мной оставался цѣлый мѣсяцъ — я могла вернуть то, что отталкивала, и не вернула. И вотъ цѣлый мѣсяцъ внутренней жестокой борьбы, приведшей къ полному отчужденію... Я не щадила его! Но чѣмъ же я могла оградить себя отъ бурныхъ, жгучихъ взрывовъ его страсти, я, которая должна была сказать сердцу: замолчи, перестань желать невозможнаго!

Теперь вокругъ меня—страшная пустота: ни волненій, ни борьбы, только гложущая, какъ червякъ, боль; и никуда я не могу уйти отъ этой боли, и нигдѣ, ни въ чемъ найти отраду; пусто, уныло, темно... вотъ оно, настоящее одиночество...

— Сестрица!..

Иду, бѣгу... Большая палата съ двумя рядами коекъ тускло освѣщена лампой... слышатся слабые, подавленные стоны... Мои шаги гулко раздаются въ пространствѣ, и я невольно вздрагиваю, стараясь оріентироваться въ темнотѣ.

— Сюда, сестрица!.. раздается глухой голосъ служителя.

Громаднаго роста, широкоплечій солдатъ, съ воспаленными, блуждающими глазами, пытается вырваться изъ мускулистыхъ рукъ Ивана. Слышно тяжелое, хриплое дыханіе, характерный звукъ двухъ борющихся тѣлъ... Я тороплюсь...

— На караулъ!.. прямо маршъ!

— Какой тебѣ тутъ караулъ?.. Лежи смирно!.. Этакій верзила!.. Прямо намучился съ нимъ, сестрица—убѣгаетъ, да и конецъ!..

— Подожди... Что ты, голубчикъ, успокойся!.. Вотъ я тебѣ ледъ положу—и полегчаетъ!.. а на караулъ завтра пойдешь...

— Завтра... — безсознательно шепчетъ больной: — вишь оказія какая!.. Да... постой, что тебѣ тутъ надо?.. Нешто завтра? Ой, голова моя, голова!..

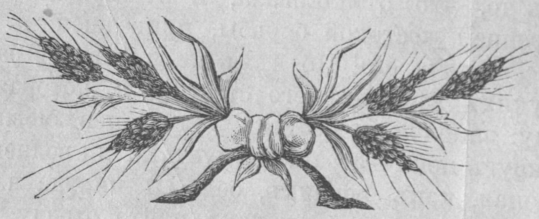
Онъ хватается за голову и нѣсколько мгновеній сидитъ безъ движенія.

— То-то! голова! А ты лягъ, и голова отойдетъ.

Мы съ Иваномъ водворяемъ больного на койку... Я кладу ему ледъ на голову, оправляю подушку, даю глотнуть лѣкарство.

— Спасибо, сестрица!.. — съ трудомъ шепчетъ больной, и во взглядѣ его я улавливаю лучъ благодарности.

Что-то теплое, мягкое расплывается въ душѣ, слезы навертываются на глаза... Я окидываю взглядомъ мою семью—ихъ много, много. Больше пятидесяти душъ!..

— «Безраздѣльно, беззавѣтно»,—беззвучно шепчутъ мои губы, а глубокая грусть пронизываетъ душу...

Марія Ермолина.